

Михаил Булгаков говорил о «Белой гвардии»: «Писал и задумал роман в эпоху наибольшей материальной нужды. В смысле материальных затруднений наиболее тяжелый год был 1922-й»...

Да, прославленной книге исполнилось семьдесят лет. Рождалась она в тяжелейших условиях, с таинственными, опасными приключениями. И именно теперь, когда многое тайное стало явным, можно вспомнить загадочную историю первой публикации романа. Ибо тогда книга начинающего писателя неожиданно очутилась в лабиринте сложной политической игры.

1925 году «Белая гвардия» печаталась, по признанию автора, «с необычайными приключениями и муками». Что, собственно, имелось в виду? Роман публиковался в частном журнале «Россия» (в «Театральном романе» Булгаков дал ему характерное название «Родина») неугомонным, опытейшим редактором Исаем Григорьевичем Лежневым (Альтшуллером), проповедовавшим в своих редакционных статьях идеи того же прекраснодушного интеллигентского «сменовеховства», что и издававшаяся в Берлине на деньги ГПУ газета «Накануне», но в домашнем, «советском» их варианте. Не совсем понятно, почему именно Лежнев столь красноречиво призывал русскую интеллигенцию сотрудничать с советской властью из патриотических соображений. Но ясно, что «Белая гвардия» писалась Булгаковым не для Лежнева и его журнала. Считать его «автором журнала», искренне разделявшим вдохновенно-демагогическую «платформу» редакции «России», значит еще больше зетемнять суть и без того запутанного дела. Совпадения в идеях — не единомыслие.

Булгаков с надеждой писал в августе 1923 года литератору Ю. Слезкину: «Лежнев начинает толстый ежемесячник «Россия» при участии наших и заграничных. Сейчас он в Берлине, вербует. По-видимому, Лежневу предстоит громадная издательско-редакторская будущность. Печататься «Россия» будет в Берлине... Во всяком случае, дело явно идет на оживление, а не на понижение в литературно-издательском мире».

С Лежневым Булгаков познакомился в московской редакции «Накануне». Цену этой «берлинской» газете и ее «независимым» издателям он знал хорошо («Накануне» всеми презираемо и ненавидимо), быстро понял, что и влиятельный Лежнев как-то связан с этой сомнительной средой, хотя ведет себя умнее.

Это, в частности, видно было по одному тому, с какой непонятной уверенностью и легкостью напористый редактор «частной» «России» отмахивался от официозной критики, преодолевая обычные советские трудности с цензурой, бумагой, безденежьем, типографией и т.п. В булгаковской повести «Тайному другу» (1929) о Лежневе со значением сказано: «Ну, догадался я: он продал душу Дьяволу. Сын погибели и снабжал его деньгами. Но в обрез, так что хватало только на бумагу и вообще типографские расходы, авторам же он платил так, что теперь, при воспоминании об этом, я смеюсь над собой». Слова автора — не только шутка.

Существует любопытная, похожая на сплетню версия всех этих таинственных событий, выдвинутая эмигрантским литератором С. Иоффе без указаний на источники сведений. Сводится она вот к чему.

За спиной Лежнева стоял Сталин, боровшийся за власть с Троцким и другими «интернационалистами» и потому заигрывавший с патриотически настроенной интеллигенцией через «частный» журнал «Россия». Любовницей Сталина была тогда Ольга Сергеевна Бокшанская, сестра Елены Сергеевны, будущей жены Булгакова, с писателем

Лит. Россия. - 1992. - 10 июля (№ 28) - С. 11.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДЕТЕКТИВ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ В ЛАБИРИНТЕ РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

еще не знакомой. Бокшанская и с автором «Белой гвардии» состояла в близких отношениях и покровительствовала ему. Было ею замолвлено слово и перед Сталиным... Иначе Лежнев не попросил бы у Булгакова роман для публикации. Вот такие «тайны мадридского двора»...

Не собираясь обсуждать здесь эту версию, заметим, что Лежнев действительно участвовал в какой-то большой и рискованной политической игре. За что потом и пострадал. Деньги на свой журнал явно получал из того же «источника», что и газета «Накануне».

Само отношение редактора к Булгакову странно и двойственно. Как и булгаковский Берлиоз, Лежнев был человеком умным и небесталанным, образованным, знатоком журнального дела, видел силу его писательского дарования, очевидную литературную и общественную значимость «Белой гвардии». Булгаков и его книга были нужны редактору для иллюстрации идеи синтеза старого и нового. Для писателя же открывалась редкая возможность «несколько развернуть свои мысли» («Тайному другу»). Ибо роман с таким крамольным названием и содержанием,

прямо задевавший «антихриста» Троцкого, мог тогда появиться в печати лишь чудом. И чудо свершилось.

И все же редактор и его автор втайне друг друга недолюбливали. Доверия не было. Не говорим уже о том, что тертый делец Лежнев был корыстолюбив, лукав и недобросовестен, бесцеремонно прошелся по рукописи красным карандашом, уплатил Булгакову мизерный гонорар, с помощью своего жулика-издателя З. Л. Каганского обманом получил право на зарубежное печатание «Белой гвардии» и последующей постановки булгаковских пьес. И это, понятно, не все.

Редактор «России», зная идеологическую суровость малограмотной и потому особенно подозрительной советской цензуры, надеялся втайне, что булгаковский роман «не пройдет», будет в конце концов снят. Однако вышло иначе: книга пошла в журнале «зеленой улицей». Соответствующие «инстанции» проявили к «Белой гвардии» неожиданную и не совсем Лежневу, видимо, понятную и приятную благосклонность. Друг А. С. Грина, неудачливый писатель Д. И. Шепеленко, в неопубликованных записках вспоминал, как его философиче-

ские миниатюры в «России» перечеркивались красными запретительными чернилами цензуры: «А рядом пошла «Белая гвардия» Булгакова. Чему И. Г. Лежнев немало и совершенно искренне удивлялся...»

Булгаков скоро понял, что его простые надежды на честное сотрудничество с «Россией» и на обещанный Каганским выпуск «Белой гвардии» отдельным изданием не сбудутся: «Уверен, что «Гвардия» останется у меня на руках». Так оно и вышло. О ловком литературном дельце Лежневе в дневнике писателя сказано ясно — «хитрая веснушчатая лиса». Но и лисе приходилось трудно. Над редактором нависла серая тень Г. Ягоды, всеильного шефа ОГПУ.

Политическая игра к тому времени зашла в тупик или завершилась чьим-то временным поражением. Весной 1926 года Лежнев вдруг был арестован и выслан за границу, где, впрочем, благополучно работал в советском торгпредстве и жил безбедно, ибо вывезенные им и Каганским червонцы были вполне конвертируемой валютой. Странное совпадение: одновременно обыск произвели и у Булгакова, отобрав дневник и рукопись повести «Собачье сердце», причем дневник читали Сталин и другие члены Политбюро. Журнал «Россия» закрыли, и третья часть «Белой гвардии» в свет тогда не вышла. Но Лежнев и Каганский задержали у себя и вывезли копию текста романа и, воспользовавшись неосмотрительным письменным разрешением Булгакова, успешно торговали его книгами и пьесами в Берлине, Риге и Париже. Все протесты автора были тщетны.

У этой загадочной истории есть свой конец, вполне ее достойный. В 1935 году благополучно вернувшийся и устроенный в редакцию «Правды» Лежнев как ни в чем не бывало появился у обобранного им Булгакова. В дневнике Елены Сергеевны читаем соответствующую запись: «Пришел уговаривать его ехать путешествовать по СССР (видимо, имелся в виду Беломорско-Балтийский канал, Соловки или другие «острова» Гулага. — В. С.). Нервен, возбужден, очень умен, странные вспухшие глаза. Начал разговор с того, что литературы у нас нет».

Этот оборотистый пришелец из темного прошлого был Булгакову ясен, и, может, поэтому в «Мастере и Маргарите» у умного циничного шпиона Афрания острые лукавые глазки прикрыты «немного странноватыми, как бы припухшими, веками». Ну а раз существовал роман, в чьем зеркале мелькнул и неугомонный редактор, значит, имелась все же и литература, подлинная и потому опасная и беспокойная. Этим и объясняется столь долгая и внимательная «работа» Лежнева с Булгаковым.

И все же Булгаков сумел преодолеть и эту трудность своей судьбы. В 1927 и 1929 годах он выпустил первую и вторую книги «Белой гвардии» в парижском издательстве «Конкорд». Так что Лежнев мог повторить слова завистника Ликопастова из «Театрального романа»: «И прямо тебе скажу, ловок ты, брат. Руку бы дал на отсечение, что роман твой напечатать нельзя, просто невозможно».

Сегодня «невозможный» роман М. Булгакова «Белая гвардия» издается сотнями тысяч экземпляров, переведен за рубежом, пришел к своему читателю. И у замечательных книг, как и у их авторов, имеется своя, иногда таинственная судьба. Может быть, эта детективная издательская история и нам наконец поможет что-то важное увидеть и понять в опасном, шатком мире нашей гибнущей литературы и избавиться от традиционной интеллигентской доверчивости и прекраснотушия. Ибо история, увы, повторяется. Суть и методы реальной политики с тех пор мало изменились.

Всеволод САХАРОВ

Булгаков М.

№ 2892.